

Под воздействием лекарств Му Цы погрузился в глубокий сон, из которого не мог вырваться. Веки его отяжелели, разлепить их не удавалось. В сновидении он раз за разом проживал последние мгновения перед тем, как потерял сознание. Моросил дождь. Он сидел у старого колодца в саду, задумчиво поглаживая пальцами нефритовую подвеску.

Затем сквозь туманную пелену дождя он поднял голову и посмотрел на мужчину, стоявшего перед ним — молчаливого и недоброжелательного.

Му Цы холодно смотрел на него, словно в его взгляде никогда не было тепла. Он проговорил вполголоса:

— Цзи Юньшу, если бы у меня в руках был нож, я бы непременно вонзил его тебе в горло.

Позади Цзи Юньшу стояли его личные гвардейцы, готовые в любой момент броситься в бой. Цзи Юньшу жестом велел им не суетиться, а затем едва заметно горько усмехнулся:

— Это справедливо. Ваше Высочество всегда мастерски владели клинком.

Му Цы сжал руку, до побеления костяшек вцепившись в подвеску. Он приоткрыл рот, но голос его уже не был таким ровным, как мгновение назад, в нем отчетливо слышалась дрожь:

— С каких пор ты отдалился от меня? Какие посулы они дали тебе, чтобы ты предал меня?

Дождь усилился, стекая по его щекам прозрачными, как слезы, струйками. Цзи Юньшу отрешенно смотрел на одну из капель. Он прокрутил в памяти последние три года: они с Му Цы были неразлучны, но, кажется, он ни разу не видел на этом лице выражения такой уязвимости.

Хотя черты лица Му Цы оставались бесстрастными, в сознании Цзи Юньшу почему-то всплыло именно это слово — уязвимость.

— С самого начала, — медленно произнес Цзи Юньшу. — С самого начала я был человеком старшего принца. Не было никакого отдаления. Мои слова о том, что я люблю тебя, были ложью.

Му Цы вздрогнул, и прозрачная капля сорвалась с его ресниц.

— Значит, тот парадный халат, который нашли в моих покоях, подбросил ты?

Цзи Юньшу закрыл глаза и промолчал. Му Цы внезапно рассмеялся, и в этом смехе сквозила насмешка:

— Ты до сих пор остерегаешься меня? Есть ли в этом смысл? Разве ты пришел сегодня не для того, чтобы убить меня?

— Я лишь выполняю приказ Его Высочества старшего принца: доставить тебя на допрос.

— На допрос? — Му Цы отозвался так, будто слышал величайшую нелепицу. — Укрывательство императорского облачения — преступление, караемое смертью. Есть ли разница, будет допрос или нет? Даже если отец-император проявит милосердие, позволит ли мне старший брат выйти из темницы живым?

Взгляд Му Цы внезапно стал ледяным:

— Пока я жив, он никогда не обретет покоя. Он боится, что титул наследного принца достанется другому, поэтому он ни за что не позволит мне выжить. Но я не умру от твоей руки, Цзи Юньшу, запомни это! Я не умру от твоей руки!

Вдали над городом сгустились темные тучи, глухо заворчал гром, словно предсмертный рык зверя, вырвавшийся из самой глотки. Му Цы, не отрывая взгляда от Цзи Юньшу, без колебаний отпрянул назад и рухнул в бездонную черноту старого колодца.

Цзи Юньшу в ужасе подался вперед, пытаясь схватить его, но успел лишь коснуться нефритовой подвески. Он не успел даже толком разглядеть его лицо, как человек исчез в глубине колодца.

Цзи Юньшу стоял под проливным дождем, покрытый холодным потом. Он медленно разжал ладонь: в ней покоилась лунно-белая подвеска, пропитанная дождевой водой.

Почему дождь не прекращается?

Му Цы был в замешательстве. Почему он слышит шум дождя, даже будучи мертвым? Под ним было что-то мягкое, а тело окутывало тепло, словно он укрылся чем-то необычайно пушистым и плотным.

Он пошевелил ресницами и медленно открыл глаза. Неподалеку он увидел мужчину в белых одеждах, который наливал воду в чашку — раздавалось отчетливое бульканье.

Наряд этого человека был странным. Му Цы в растерянности наблюдал за ним некоторое время, прежде чем заметил, что в комнате очень светло, хотя свечей нигде не было. Неужели сейчас день? Му Цы машинально посмотрел в окно, и в поле его зрения ударил яркий диск полной луны.

На гладком стекле отражался его собственный силуэт, что привело его в полное смятение. Он не понимал, что это за материал, почему через него можно видеть улицу и почему он отражает свет? Из всего прозрачного, что он знал, были лишь лед, который подавали к императорскому столу летом, да слишком уж чистый нефрит. Но ничто из этого не было столь прозрачным, как

то, что стояло перед ним.

Он повернул голову к потолку, где горела лампа дневного света. Ее сияние было настолько ярким, что он невольно зажмурился и тихо вскрикнул.

Врач обернулся и нажал кнопку вызова, чтобы оповестить Бай Лина.

Звонок был бесшумным — сигнал уходил напрямую Бай Лину, поэтому Му Цы ничего не услышал и продолжал с недоумением разглядывать лампу, вмонтированную в потолок. В этом его замешательстве было что-то особенно прекрасное: приоткрытые губы напоминали нераспустившийся бутон цветка.

Врач вспомнил, как совсем недавно раздевал его, и, чувствуя некоторую неловкость, тихо кашлянул:

— Очнулся? Воды хочешь?

Му Цы сглотнул — в горле действительно пересохло. Врач улыбнулся и протянул ему стакан:

— Пей.

Му Цы с опаской посмотрел на него, не принимая стакан. Тело все еще казалось тяжелым и слабым, но он, опираясь на локти, сумел сесть. Одеяло соскользнуло, и Му Цы мгновенно вспыхнул от стыда:

— Где... где моя одежда?

— О, об этом... Твоя одежда промокла, а в главной усадьбе никогда не держат вещей для гостей. Может, пока побудешь в этом? — Врач, не раздумывая, снял свой белый халат и передал его Му Цы.

Тот помедлил, но все же надел его.

Халат был свободным и смотрелся на нем мешковато. Когда Гу Хуай, получив известие, ворвался в комнату, он увидел именно эту картину: худощавое тело Му Цы, укутанное в белый халат, и его самого, сидящего на кровати и пристально смотрящего в панорамное окно.

Дыхание Гу Хуая на мгновение перехватило.

С того места, где он стоял, были видны лишь черные, как шелк, рассыпанные по спине волосы и тонкий кончик уха. Гу Хуай подумал: его силуэт со спины невероятно красив — и плечи, и спина.

Он нарочито ступал тише, медленно подошел и присел рядом с Му Цы. Не спрашивая, кто он такой и зачем здесь, он задал вопрос, исполненный романтики:

— На что ты смотришь? На луну?

Стоявший рядом врач едва не выплюнул кровь. Ему нестерпимо хотелось схватить скальпель и вскрыть череп своего босса, чтобы посмотреть, какая именно струна в его мозгу превратилась в кашу из-за красоты этого человека.

Услышав вопрос, Му Цы настороженно обернулся — и увидел лицо Цзи Юньшу! Лицо Му Цы переменилось, дыхание участилось, и он, не колеблясь, с силой ударил того по лицу.

Гу Хуай не ожидал подобного и принял удар в полную силу. Врач и Бай Лин, стоявшие поодаль, остолбенели: этот человек выглядел таким изящным, утонченным и хрупким, как он мог, не сказав ни слова, броситься в драку?!

После удара Му Цы тяжело дышал, его взгляд был затуманен, он впился глазами в Гу Хуая, словно испытывая к нему лютую ненависть.

В этом взгляде читалось крайнее отвращение, злоба и, кажется, капля печали. Но Гу Хуай не стал вглядываться. Впервые в жизни, с самого рождения, его ударили по лицу. Он мгновенно рассвирепел и, взмахнув рукой, ответил тем же.

Его сила была несопоставима с силой Му Цы. От удара тот повалился обратно на кровать. Гу Хуай годами практиковался в стрельбе, и на подушечках его пальцев были мозоли, которые оцарапали нежную кожу щеки Му Цы — на белоснежном лице проступил пугающий красный след.

— Жить надоело?! — Гу Хуай свирепо дернул Му Цы на себя, замахнувшись снова, но увидел, что в светло-карих глазах Му Цы заблестели слезы, и крупные капли, не сдерживаемые больше, покатались по его тонкому подбородку прямо на руку Гу Хуая.

<http://bllate.org/book/18692/1806449>